

Р О М А Н

ЧЁРНЫЙ БУБЕН

«Лёд врать не умеет»

ВАЛЕНТИН ИСАКОВ

Валентин Исаков

Черный Бубен

<https://litres.ru/74670778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Игнат Савельев не верит ни в духов, ни в проклятия. Он верит в клики, охваты и деньги, которых вечно не хватает. Поэтому, когда загадочное агентство предлагает тройную ставку за продвижение «потомственной шаманки» из Забайкалья, он соглашается не раздумывая.

Но за красивыми фото и сорока восторженными отзывами скрывается нечто иное. Заготовленные скрипты. Выверенные слова, бьющие точно в самое больное место. Люди, оставшиеся без сбережений, и те, кто обещал им чудо.

Игнат мог бы закрыть глаза. Ему платят за молчание. Но он помнит слова деда: «Лёд врать не умеет».

Угрозы. Подкуп. Удар по самому близкому. Ночная дорога вдоль Байкала, где никто не услышит. Чем глубже Игнат копает, тем яснее понимает: за маской целителей стоит организованная сеть, а он уже слишком много знает.

Что сильнее: страх или совесть? И чего стоит правда, если за неё приходится платить всем?

Валентин Исаков

Черный Бубен

Глава 1

Роман

Часть первая. Заказ

Глава 1. Хороший заказ

Ноябрь в Иркутске пахнет углём и мокрым снегом. Над Ангарой, единственной рекой в этих краях, которая не замерзает даже в самые лютые морозы, стоял плотный белый пар, и казалось, что город прилёг на краю чьего-то огромного дыхания. Игнат вышел из подъезда в половине девятого, втянул подбородок в воротник и в десятый раз за утро принялся считать, сколько он должен.

Аренда — двадцать две тысячи. Рассрочка за ноутбук — шесть восемьсот. Маме на лекарства — пять. Интернет, свет, еда, проезд. Выходило столько, что цифры в голове начинали расплзаться, как чернила под дождём.

«Заказы будут, — сказал он себе. — Всегда были».

Заказы действительно были, но мелкие. Три месяца Игнат Савельев, двадцати девяти лет, фрилансер-маркетолог, перебивался тем, что настраивал рекламу стоматологиям, мастерам по ремонту квартир и одной сети шашлычных. Платили вовремя не все, а хорошо не платил никто. Он давно привык к мысли, что справедливость в его профессии измеряется количеством кликов, и справедливость эта не в его пользу.

Но дело было не только в деньгах. Игнат знал про себя одну неприятную вещь: он слишком хорошо умел своё ремесло. Он понимал, что люди покупают не товар, а облегчение. Не зубную коронку, а конец страха перед кабинетом. Не ремонт, а надежду, что в доме наконец станет тихо. Достаточно найти человека в ту минуту, когда ему страшнее всего, и сказать нужные слова. Это работало безотказно. И каждый раз, когда это работало, где-то под рёбрами у Игната оставалась крохотная царапина, которую он старательно не замечал.

Иногда по утрам, как сегодня, ему вспоминался дед.

Мамин отец был рыбаком из маленького посёлка на Байкале. Когда Игнату исполнилось девять, дед впервые вывел его на лёд: огромный, прозрачный, с чёрными трещинами глубоко внутри, словно кто-то нарисовал под ногами карту незнакомой страны. Лёд гудел и пел, то низко, то тонко, и мальчишка вцепился в дедов рукав так, что побелели пальцы.

— Не бойся, Игнашка, — сказал дед. — Лёд врать не умеет. Он или держит, или не держит. Ты его только слушай.

Потом, сидя у лунки, дед рассказывал про настоящих шаманов. Про Ольхон, про мыс, где, по преданию, живёт хозяин острова, про стариков, которые никогда не просили платы раньше, чем помогли.

— Кто сначала берёт, потом лечит, тот не лечит, — сказал дед и плюнул в чёрную воду. — Это торговля.

Игнат запомнил. Он вообще запоминал всё, что говорил

дед, хотя и не думал, что это когда-нибудь пригодится.

Телефон завибрировал в кармане, когда подошла маршрутка. Незнакомый аккаунт в мессенджере. На аватарке — чашка кофе на подоконнике, за которым угадывался заснеженный двор.

«Добрый день, Игнат! Вас рекомендовал Вадим, вы вели рекламу его клиники. Есть интересный проект по продвижению на Авито. Удобно обсудить сегодня?»

Игнат прочитал сообщение дважды. Вадим, хозяин той самой клиники, был скуповат, но людей зря не рекомендовал. Он протиснулся в маршрутку, встал между женщиной с огромной клетчатой сумкой и мальчишкой в наушниках, и окна тут же запотели от дыхания пассажиров. Он набрал: «Добрый! Могу после двух».

Ответ пришёл мгновенно, как будто человек на том конце всё это время держал телефон в руке.

«Отлично. Меня зовут Диана. Предлагаю встретиться лично. Кофейня на Карла Маркса, в три. Угощаю».

Подпись под сообщением гласила: «Диана, менеджер агентства „Ветер Севера“». Название было красивое, дорогое и ни о чём. Именно такие названия придумывают, когда хотят, чтобы человек не успел задать вопрос.

О таком агентстве Игнат никогда не слышал. Но слышать он мог не обо всём, а кофе ему обещали бесплатный.

Маршрутка ползла по мосту, и он протёр ладонью запотевшее стекло. Внизу медленно, как живое, клубилось белое

облако над тёмной водой. Остаток утра Игнат провёл за работой: правил объявления для шашлычной, отвечал на письма, торговался с заказчиком из-за трёх тысяч. И каждые десять минут ловил себя на том, что думает о незнакомом проекте. Деньги, которые ещё не пришли, всегда звучат громче тех, что уже лежат на карте.

Без четверти три он шёл по улице Карла Маркса мимо старых деревянных домов с резными наличниками, которые стояли, чуть накренившись, как усталые старики, переживавшие и не такие зимы. Кофейня пряталась в полуподвале бывшего купеческого особняка. Игнат толкнул тяжёлую дверь, и тёплый воздух с запахом корицы и жжёного сахара ударил ему в лицо.

Диана сидела в глубине зала, у окна, из которого были видны только ноги прохожих, торопливо шагавших по тротуару. Светлое пальто на спинке стула, шарф цвета топлёного молока, ногти цвета спелой сливы. Перед ней стоял высокий стакан с чем-то прозрачным, и за весь разговор она ни разу к нему не притронулась. Телефон лежал экраном вниз.

Игнат отметил это машинально. Он привык читать клиентов так, как другие читают таблицы: где цифры, а где то, что стоит за цифрами. У Дианы не было ни того ни другого. Гладкая поверхность, на которой не за что зацепиться глазу.

— Игнат? Садитесь, не стесняйтесь. Я уже заказала вам американо, Вадим сказал, вы другого не признаёте.

Игнат сел. Ему стало слегка не по себе от того, что кто-то

узнал про его американо раньше, чем он успел представить-
ся, он отогнал это чувство. Деньги не любят подозритель-
ных.

— Расскажите, что за проект, — сказал он.

— Продвижение мастера. — Диана произнесла это так,
будто речь шла о парикмахере. — Очень занятого, очень из-
вестного в узких кругах специалиста. Ей нужно выйти на бо-
лее широкую аудиторию. Авито, объявления, ведение про-
филя, работа с откликами, аналитика. То, что вы умеете.

— А что за мастер?

— Целительница. Потомственная шаманка. — Диана чуть
наклонила голову. — Ульяна Баргузинская. Пятое поколе-
ние, корни из Забайкалья.

Игнат невольно хмыкнул, и Диана тут же приподняла
бровь.

— Что-то не так?

— Нет-нет. Просто в Иркутске шаманов на Авито, навер-
ное, больше, чем стоматологов.

— Вы правы. Рынок конкурентный. Поэтому нам и нужен
хороший специалист, а не кто попало.

Она достала из сумки тонкую папку и положила на стол.
Не пластиковую, а картонную, с тиснением в виде завихрен-
ный ветра. Игнат подумал, что на одну такую папку у агент-
ства ушло больше денег, чем у него на неделю жизни.

— Результаты есть? — спросил он. — Мне нужно пони-
мать, что именно я продаю.

— Результаты бывают разные. — Диана улыбнулась, и улыбка её не сдвинулась ни на миллиметр. — Люди приходят с тем, что у них болит. Мы даём им надежду. Разве это плохо?

Она спросила это так мягко, что возразить было нечего. Игнат отвёл глаза к окну, где мелькнули чьи-то красные ботинки и скрылись.

— Условия простые, — продолжила Диана. — Сто двадцать тысяч в месяц фиксированно. Плюс тысяча рублей за каждую квалифицированную заявку. Оплата авансом, первые два месяца сразу.

У Игната дёрнулся уголок рта. Его обычная ставка за такой объём работы была сорок.

— Это... очень щедро.

— Мы ценим тех, кто умеет молчать, — мягко сказала Диана. — У мастера много клиентов, среди них люди известные. Все заявки идут через нас, лично с ней вам встречаться не нужно. Она не любит публичности и принимает только в уединении. Вам понадобятся только материалы.

— То есть мне не придётся с ней разговаривать?

— Зачем? Вы же не будете её лечить. — Диана чуть подалась вперёд. — Вы будете её продавать.

Фраза повисла в воздухе. Игнату она почему-то не понравилась, и он не сразу понял почему. Может быть, из-за слова «продавать». С детства он не любил, когда людей и их беды называют товаром.

— А почему именно я? — спросил он. — В городе полно агентств.

— Вадим показал мне ваши объявления. — Диана посмотрела на него долгим внимательным взглядом. — Вы умеете сказать так, чтобы человек захотел позвонить. Вы находите то место, где у него болит, и нажимаете ровно настолько, насколько нужно. Это редкий дар, Игнат.

Комплимент ударил точно в ту самую царапину под рёбрами. Игнат улыбнулся, как улыбаются, когда не знают, обижаться или благодарить.

Он выпил кофе. Подумал о матери и её лекарствах. О рассрочке. О квартире, за которую платить через неделю. О деде, сплёвывающем в чёрную воду.

— Хорошо, — сказал он. — Попробуем.

Диана не стала изображать радость, и это было странно. Она просто кивнула, как будто никогда не сомневалась.

— Договор пришлю вечером. Аванс придёт на карту сразу после подписи.

Уходя, она оставила на столе чаевые, купюру, которой хватило бы Игнату на три обеда. Он смотрел ей вслед сквозь стекло: светлое пальто, ровная спина, шаги человека, у которого всё под контролем. На углу она достала телефон, впервые за весь разговор перевернув его экраном вверх, и, не оглядываясь, свернула за здание.

К вечеру выпал первый настоящий снег. Он ложился на

подоконник крупными ленивыми хлопьями, и в свете фонаря двор Байкальской улицы казался декорацией к чужому, слишком красивому сну.

Мама позвонила в семь, как всегда.

— Ты поел?

— Поел, мам.

— Не ври, я слышу. У тебя голос голодный.

Игнат рассмеялся и сел на подоконник, глядя, как внизу кто-то тащит санки. Они поговорили о таблетках, о соседке, у которой опять потекла крыша, о том, что в Листвянке уже встал лёд.

— Как работа? — спросила мама.

— Нормальный заказ взял. Хороший.

— Хороший — это когда платят?

— Это когда платят, мам, — ответил он и услышал, как легко и ловко это прозвучало. Он умел так говорить. Он зарабатывал этим на жизнь.

Положив трубку, он поставил чайник, переоделся в старый свитер с вытянутыми локтями и только после этого открыл папку.

В ней были распечатки и флешка. Он вставил её в ноутбук. Внутри обнаружились аккуратные папки: «Фото», «Тексты», «Отзывы», «Скрипты общения».

Тексты были написаны хорошо. Игнат признал это, хотя привык критиковать чужое. «Ульяна Баргузинская — потомственная целительница в пятом поколении. Принимает лю-

дей, потерявших опору. Снимает порчу, возвращает удачу, помогает в делах сердца и денег. Результат с первого сеанса». Фразы скользили, как отполированная галька: ни одной лишней эмоции, ни одного слова, за которое можно зацепиться.

В папке «Отзывы» лежало сорок текстовых файлов. Он открыл первый:

«Обращалась в сложный период. Муж ушёл, работа пропала, не видела выхода. После сеанса у Ульяны всё изменилось за три недели. Благодарю от всего сердца. Анна, 43 года».

Второй, третий, десятый. Разные «имена», разный «возраст», одна и та же интонация. У Игната на секунду свело желудок.

«Это маркетинг, — сказал он себе. — Так делают все. Отзывы закупают, подкручивают, пишут сами. Вадим вон тоже пятьдесят отзывов нарисовал, и ничего».

Но то были отзывы про стоматолога. Про зубы. Про пломбы. А здесь люди писали про мужей, потери и выход из тупика. Игнат подумал об этом и тут же отмахнулся. Из любопытства он открыл «Скрипты общения» и пробежал глазами первую страницу. Заголовок гласил: «Работа с сомнениями клиента». Ниже шла строка, от которой по спине прошёл неприятный холодок:

«Если человек сомневается, спросите, кому он доверяет больше: мастеру или своему страху».

Он закрыл документ. Завтра, решил он. Всё завтра. Чайник за стеной щёлкнул, и Игнат вернулся к экрану и открыл «Фото».

Ульяна Баргузинская смотрела на него с первого снимка. Женщина лет пятидесяти, тёмные волосы под платком, шаль с узором, бубен в руках. Лицо спокойное, умное, чуть усталое. Взгляд такой, что хочется довериться. Хороший кадр, профессиональный. Игнат, повидавший сотни рекламных фото, оценил его сразу: свет мягкий, фон размыт, композиция продумана до последнего миллиметра.

Он открыл следующую фотографию, потом ещё одну. И уже собирался закрыть папку, когда заметил на последнем снимке нечто странное.

В правом нижнем углу, на самой границе кадра, виднелась тонкая бледная полоса, будто кто-то в спешке обрезал изображение, но не до конца. Игнат машинально увеличил масштаб. Полоса оказалась обрывком чего-то, похожего на надпись, но разобрать он не смог ни буквы.

«Артефакт сжатия, — подумал он. — Или обрезали кри-во».

Он откинулся на спинку стула. И в эту секунду телефон на столе коротко загудел.

«Поступление на карту: 240 000 #».

Игнат смотрел на эти цифры и чувствовал, как отпускает напряжение, державшее его плечи последние три месяца. Он выдохнул и почти рассмеялся. А потом пришло второе

сообщение, от Дианы, всего одна строка:

«Мастер рада, что вы с нами. Она уже много о вас слышала».

Игнат перечитал его раз, другой, третий. Он не встречался с мастером. Он не называл своего имени ни одному человеку, кроме Дианы. Он даже договор ещё не подписал.

За окном медленно падал снег. Где-то там, за городом, за лесом и горами, лежал Байкал, чёрный и неподвижный, и лёд на нём гудел сейчас так же, как гудел когда-то под ногами девятилетнего мальчика.

«Лёд врать не умеет, — говорил дед. — Ты его только слушай».

Игнат слушал. И впервые в жизни не был уверен, что лёд, на который он ступил сегодня, его выдержит.